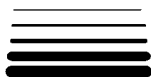
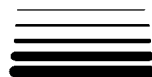

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

Доминанта

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО И КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сколь бы фрагментарной ни была до сих пор
история эволюции жизни, она уже... показывает нам,
что способность понимания дополняет способность к действию,
представляя собой все более точное,
все более гибкое и усложняющееся
приспособление сознания...
к данным условиям существования.

А. Бергсон

На современной стадии развития глобализации, так же, как прежде, национализм не имеющих государственности этносов и формирующихся наций остается источником большинства конфликтных ситуаций в глобализирующемся мире, является вызовом современной неолиберальной глобализации, адекватным ответом на который, по мнению ряда исследователей, могут стать проекты грядущего «глобального гражданского общества», «космополитического государства» или «глобального гражданства».

Уже к началу XX века обозначилось, а к его закату стало совершенно очевидным основное противоречие глобализации, связанное с неравномерностью ее осуществления в разных сферах общественной жизни: увеличивая финансовую, экономическую и политическую взаимосвязанность государств и народов, она не способствует выравниванию уровня их социального и экономического развития, формированию устойчивого мирового порядка, раз за разом наталкиваясь на социокультурное и политическое сопротивление многих народов и национальных государств, число которых, вместе с сопутствующим их образованию и развитию «национализмом», неуклонно растет.

Впервые упомянутая в трактате «О вечном мире» И. Канта идея глобального гражданства теперь вновь оказалась в центре

внимания научной и философской мысли. К примеру, М. Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН¹. Особенно активно эту идею поддерживает Юрген Хабермас. Если в работах большинства авторов идея глобального гражданства, в лучшем случае остается политической декларацией, то в трудах Хабермаса она оказывается логическим выводом из его концепций «постнационального общества» и «конституционного патриотизма».

Прежде чем продолжить обсуждение заданной темы, хотелось бы подчеркнуть общечеловеческую значимость таких ценностей права человека, гражданские свободы, демократия и конституционные права, которые мы не собираемся ставить под сомнение. Рассуждения далее будут строиться с учетом их ограниченности и, соответственно, с учетом реальных возможностей их тотального использования в современном мире, разделенном на множество культур, религий, наций и национальных государств.

Следует отметить глубокое понимание Хабермасом сущности глобализации, исследуя которую он проводит прямую аналогию с эпохой становления национальных государств в Новое время. «Сегодня мы стоим перед аналогичным вызовом», — пишет Хабермас. Глобализация «лишь продолжает процесс, первым значительным примером которого стали интеграционные успехи национального государства», — утверждает он, и предлагает «ориентироваться на образец как раз той исторической формы, которую мы собираемся преодолеть»². Именно так: «преодолеть», — пишет Хабермас. Но каким образом? Он не удовлетворяется «естественностью и неизбежностью» глобализации, как неолибералы. И, если продолжить его мысль, получается, что также как в Новое время национализм перемолол локальные этнизмы, так теперь глобализация перемелет национализмы, и мы придем, как пишет Хабермас, к «постнациональному обществу». Он, например, утверждает, будто «не только ФРГ, но и все европейские страны после Второй мировой войны развивались так, что уровень национально-государственной интеграции утратил вес и значимость, и они движутся к постнациональным обществам»³.

Хабермас совершенно точно раскрывает роль национализма в строительстве национального государства, связывая ее с установлением абстрагирующей тенденции общественной модернизации и идентификацией граждан через национальное сознание

благодаря культурной принадлежности к нации. Однако теперь, считает он, «национальное государство должно отвергнуть тот амбивалентный потенциал, который некогда действовал в качестве движущей силы»⁴. Приходится констатировать, что Хабермас проявляет изрядную долю утопизма и сознательно отказывается от эффективного социокультурного интегратора во имя более толерантного, с его точки зрения, интегратора — правового. Он утверждает, что «политическая культура той или иной страны кристаллизуется вокруг действующей конституции», а национальная культура всего лишь развивает ту или иную трактовку абстрактных и абсолютных принципов народного суверенитета и прав человека⁵. Но это не совсем так. Национальная культура всегда строилась и строится вокруг «символов» нации и развивает патриотизм и национализм как свое новое, «свое иное».

Возможно, существование в течение нескольких десятилетий Конституции ФРГ и могло внушить такие иллюзии. Но они плохо согласуются с рядом исторических событий противоположного свойства — запретом Коммунистической партии Германии, «разборками» неонацистов с гастарбайтерами, неприязнью к ново-прибывшим немцам из Восточной Европы, в том числе из России, Средней Азии и других стран. Но Хабермасу приятнее считать, что ФРГ ближе к «постнациональному самопониманию политического целого» благодаря ее неизменной Конституции. Правовое, являющееся выражением и оформлением экономического и социокультурного, рассматривается Хабермасом как определяющая реальность. Поэтому ему остается лишь недоумевать и сожалеть, что в результате неолиберальной политики «источники общественной солидарности иссыкают, так что условия жизни стран бывшего Третьего мира распространяются на центры Первого», а «низший класс создает социальное напряжение, которое разряжается в бессмысленных разрушительных мятежах и может контролироваться только репрессивными средствами; исходящая из гетто отравы распространяется на инфраструктуру городских центров и даже регионов и проникает во все поры общества»⁶. Альтернативу неолиберальной политике Хабермас ищет вне рамок национального государства, считая связку территории, нации, национального хозяйства и национализма устаревшей в условиях глобализации.

Надежды Хабермас возлагает на «конституционный патриотизм», более того, объявляет его единственно возможной и современной формой патриотизма⁷. Этот патриотизм основывается «не на конкретной нации как целом, но на абстрактных процеду-

рах и принципах»⁸. Абстрактные идеи демократии и прав человека представляются ему опорой более надежной, чем изменчивые национально-культурные традиции. Он надеется, что конституционное государство будет формировать постнациональную идентичность. В этом он видит противоядие от «отравы, vyplн-зающей из гетто». «Эта отрезвленная политическая идентичность отделяется от фона прошлого, центрированного на национальной истории», «национальность, ставшая в определенной мере более диффузной, отделяется от государственной принадлежности и освобождает место для политической идентификации с тем, что население в каждом конкретном случае считает важным сохранить в собственном государстве»⁹.

Но в этих рецептах Хабермас резко удаляется от реальности, возлагая надежды на некую вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма»¹⁰. Он надеется на то, что «разумное политическое взаимопонимание в том числе и между чужими» сделает «излишним гарантируемый культурной однородностью фоновый консенсус»¹¹. Демократический режим, по Хабермасу, может довольствоваться абстрактной солидарностью, и ему не обязательно прибегать к ментальной укорененности в «нации»¹². Так современный классик, руководствуясь исключительно благими намерениями придать национализму чисто гражданскую форму, на деле совершенно в духе нашего постмодернистского времени деконструирует единственную оставшуюся скрепу стабильности государства, обусловленную историческим развитием, и жертвует национально-культурной идентичностью во имя абстрактного конституционного патриотизма. И это при том, что сам Хабермас высказывается решительно против постмодернистских идей о «конце политики», столь чуждых ему, как представителю реформистской мысли.

Альтернатива «концу политики», по мнению Хабермаса, могла бы возникнуть «по мере создания наднациональных дееспособных акторов: примером может служить Европа»¹³. Он грезит о создании дееспособных международных институтов вместо Международного банка и Международного валютного фонда и о решающей роли демократического общественного мнения, ополчается против евроскептиков, стремящихся защитить «поблекшие добродетели национального государства» и императивно утверждает, что «граждане Европы (что обозначено только благодаря их общему паспорту) должны — невзирая на национальные границы — научиться

взаимно признавать друг друга в качестве членов одной и той же государственно-политической системы. До сих пор ограничивавшаяся национальным государством гражданская солидарность должна распространиться на граждан Евросоюза»¹⁴. Мы согласны — благие пожелания. Но, к сожалению, жизнь не сводится к паспортам, конституциям и правовым нормам, а часто ломает и то, и другое, и третье. Поэтому считать сферу права устойчивой, это — иллюзия, правда, весьма распространенная у теоретиков.

Другой вариант толерантного ответа на коллизии глобализации и национализма представлен концепцией «космополитического государства» Ульриха Бека. Бек также связывает перспективу со становлением надгосударственных структур единой Европы и полагает, что путь приспособления к глобализации и взаимный диалог возможны лишь при элиминировании национального. Он также говорит о «западне национального» и считает, что «национальный» (термин также берется в кавычки) подход в мыслях и действиях народов и их правительств лишь разжигает взаимные столкновения, которыми пользуются сторонники глобализации для выбора экономически выгодных финансовых стратегий. Поэтому, по его мнению, национализм поддерживает и укрепляет транснациональную мощь корпораций¹⁵. Вместо «тупиковой» национальной привязки политики, ведущей к вражде, Бек предлагает использовать потенциал межгосударственного сотрудничества. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход возможен лишь в ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединенного суверенитета»¹⁶. Преодоление внутренних сложностей и обретение правительствами новых возможностей в «противостоянии народу и оппозиции» Бек видит в отказе от национальной независимости.

Надо признать, ход мысли Бека, мягко говоря, недемократичен, поскольку это означает, что правители, элита, могут купить расширение возможностей жесткого контроля над происходящим в стране за счет выхода из «западни национального», «утраты национальной независимости» и «преодоления националистического фанатизма»¹⁷, т. е. того, что еще как-то объединяло власть и народ в рамках национально-государственного целого. Ответом на вызовы глобализации У. Бек называет «космополитическое государство, основывающееся на индифферентности государства к признаку национальности и допускающее существование национальных идентичностей согласно закрепленному в конституции принципу

толерантности»¹⁸. Таким образом, чтобы соответствовать глобализации нужно во имя толерантности игнорировать национальное. Бек так прямо и пишет: «отделение государства от нации». Вот какое превращение претерпела идея нации за 200 лет. Во время Великой французской революции нация как единый народ граждан создавала демократическим путем государственные структуры, чтобы защищать интересы целого. Теперь же государственные структуры видят признак демократии в том, чтобы отделиться от своего первоисточника, быть свободным от суверена-народа.

Глобализация, по мнению Бека, делает общество космополитичным, что требует «преодолеть понимание уникальной, единообразной, территориально определенной национальной родины»¹⁹. Космополитическое государство будет опираться на «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры»²⁰. Государственные структуры еще могут стать наднациональными, а вот идентичность и культура — маловероятно. Эти фантомы понадобились Беку, чтобы обосновать возможность «космополитического государства», которое должно носить «сугубо конституционный, то есть правовой, характер»²¹. Мы видим тот же ход мысли, что и у Ю. Хабермаса: искусственное противопоставление правового национальному, вывод о недемократичности и конфронтационности последнего и чисто формальное, абстрактное понимание права, игнорирование того, что оно само вырастает из национальной истории и оформляет ее в ходе становления национального государства, где борьба за нацию и за демократию совпадают. При таком взгляде, где идеологические предпочтения доминируют, не останавливаются даже на предпочтении «хорошего» гражданского национализма «плохому» этническому, а хотят ликвидировать национальную идентичность вместе с «опасной иллюзией национального государства» во имя иллюзорного «космополитического государства, где демократия и права человека ставятся выше автократии и национализма»²². «Обретение национальными государствами космополитического характера» Бек считает «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму»²³.

Нет необходимости говорить о том, что полигоном «космополитического государства» для Бека выступает Европейский Союз. И в отечественной литературе, правда, в значительно меньших масштабах, можно встретить схожие идеи. И. Кремер, например, утверждает: «Сомнительно, что национальной идеей непременно является национализм. Для новых поколений современных запад-

ных стран такой идеологией с 1960 — 1970-х годов стал европеизм, то есть нечто противоположное национализму»²⁴.

Не ставя под сомнение благородные устремления Хабермаса и Бека, позволим себе усомниться лишь в эффективности их предложений. «Конституционный патриотизм» и «космополитическое государство» — из области благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит. В современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями — тем, что формирует его идентичность. Всякие попытки навязать ему идентичность сверху во имя толерантности обречены на провал. Э. Смит в свое время верно заметил: «Что касается пророчеств о глобальной культуре, то они не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти»²⁵. Поэтому, с его точки зрения, неудивительно, что «культурные измерения проекта европейской интеграции окружает неразбериха, и что существуют различные модели окончательного объяснения “Европы”, многие из которых считают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами»²⁶.

Сославшись на остроумное замечание М. Гиберно о том, что «инженеры новой Европы должны будут рассмотреть “обще-европейские тенденции” и разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность; но еще важнее то, что они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию европейских граждан»²⁷, Э. Смит логично констатирует: «Но это значит, что придется создать определенную форму национализма, поднимающую проблемы не только «нехватки демократии», но и этнического и даже расового исключения иммигрантов, воздвигнуть внешние культурные (а также экономические) барьеры»²⁸. Адепты наднационального и космополитического как лекарства от конфронтационности не только вынуждены будут в соответствии с логикой всемирно-исторического процесса глобализации (расширение — интеграция — идентичность) создавать новый национализм, но сам этот национализм будет нуждаться, да и сейчас уже нуждается в новом образе Чужого, врага — в лице иммигрантов, их потомков и пр. Последнее прекрасно наблюдается в европейской политической жизни. Эталоном, как всегда, служит Франция (например, деятельность Н. Саркози на посту как Министра внутренних дел, так и Президента Франции).

Чтобы оставаться реалистом, приходится соглашаться с М. Спикером, который считает, что «ответом гражданского общества на политические вызовы глобализации не должна быть его трансформация в глобальное гражданское общество»²⁹. Ведь гражданская солидарность предполагает в качестве основы наличие общей культуры, языка, эмоционального склада, формирование которых в ближайшей перспективе на глобальном уровне практически невозможно. Более того, под воздействием глобализации возможно усиление спонтанных процессов самоорганизации тех или иных национальных и этнических сообществ в качестве реакции на давление извне. В результате может происходить как усиление национального единства, так и напротив — актуализация тех или иных исторических локалий в рамках государств-наций.

При благоприятных условиях возможно укрепление региональных основ гражданской солидарности, как, например, в рамках Европейского Союза, хотя еще очень далеко до образования сколько-нибудь единого гражданского общества. Более того, именно этот процесс стимулирует мотивы национальной обособленности, националистические партии стабильно получают свои проценты на выборах. Классические государства-нации формировались на основе более или менее сложившегося гражданского общества. То, что в Европе нет еще общеевропейского гражданского общества, т. е. — панъевропейской публичной сферы, которая бы обеспечивала реальный диалог различных интересов, признают даже активные сторонники «европейской альтернативы»³⁰. Поэтому ускоренное строительство панъевропейских политических институтов, не обеспеченное живым развитием гражданского общества может привести лишь к излишней бюрократизации. Можно согласиться с В. Л. Иноземцевым и Е. С. Кузнецовой в том, что «будучи созданными, институты гражданского общества неизбежно приведут к установлению общеевропейской демократии, которая может и должна возникать не как симбиоз национальных демократий, а как проявление воли всех граждан ЕС»³¹. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает, в частности, М. В. Ильин. Он утверждает, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализоваться независимо от места его пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места.

И все же, видимо, перспективно говорить не о строительстве каких-то глобальных институтов или же об ускоренном оформлении

макрорегиональных институтов. В глобализующемся мире каждое национальное государство имеет сферу глобальной ответственности. Глобальное пронизывает все уровни жизни современных обществ. И своей сферой глобальной ответственности нужно постоянно заниматься, не отодвигая ее на второй план и используя те средства, которые имеются в наличии у данного национального государства. А полагать, что в обозримом будущем политика национальных обществ будет вытеснена силами глобализации — утопично. Любая попытка конструировать мировое правление в современных условиях, когда глобального и даже макрорегионального гражданского общества нет, обернется лишь антидемократическими перекосами. Куда реалистичнее направлять усилия на взаимодействие региональных органов, национальных государств и международных организаций на решение конкретных глобальных проблем.

В этом случае центральной становится проблема обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального. Возможности такого диалога будут расширяться по мере перехода от этоса эффективности к глобальному этосу. Попыткой примирения этих двух этосов может считаться концепция К.-О. Апеля, в которой проводится идея дополнительности между справедливостью для всех и стремлением к обеспечению блага для собственного этноса. Вместе с тем, столь меркантильное понимание этоса вряд ли вызовет сочувствие среди представителей незападных культур, которые будут видеть в этом стремление под флагом мультикультурализма сохранить доминирование Запада. Проблема «Как жить совместно?» как никогда остра сейчас именно из-за недостатка общечеловеческого публичного пространства для обсуждения всех существующих проблем. Поэтому глобализация и приобретает подчас «дикий», насильственный характер «приобщения к демократии», (мягко выражаясь, в своеобразном исполнении) в первую очередь, так называемых «несостоявшихся государств».

Поэтому, безусловно, прав академик А. А. Гусейнов, когда пишет, что для глобального мира всего лишь диалога культур недостаточно, нужен глобальный этос, в который могут входить ценности общечеловеческой культуры, реально признанные людьми самой разной этнокультурной принадлежности³², ибо консолидирует людей в своей массе и вовлекает их в сложный и длительный процесс формирования — будь то единой нации (как непосредственно, так и в результате создания национального государства), будь то глобальной нации (соответственно — космополитического государства) — лишь Великая идея, способная, овладев умами

тысяч и тысяч культурно, имущественно, религиозно, этнически, сословно разнородных, совершенно не похожих друг на друга отдельных личностей, объединить, превратить их в интегрированное целое, готовое пройти сквозь лишения и муки, нечеловеческие страдания и, зачастую, братоубийственные гражданские войны.

А Великая идея может возникнуть и, развиваясь, овладеть массами, если не тотально, то на сколько-нибудь значительном пространстве только на основе глобального этоса, без наличия которого возможность формирования глобальной нации, вероятнее всего, представляется иллюзорной. История учит — только вызванное Великой идеей новое национальное самосознание способно поднять национальный дух и призвать к свершению Великой цели.

Таким образом, отсутствие в настоящее время в глобальном масштабе Великой идеи и, соответственно, обозначенной ею Великой цели позволяет утверждать, что концепции «Глобальное гражданское общество», «Глобальное гражданство» и «Космополитическое государство» остаются, в лучшем случае, благими теоретическими конструктами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Evan W.M.* Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // *Human relations*. — N. Y.; L., 1997. — Vol. 50. № 8.

² *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001. — С. 199 — 200.

³ *Хабермас Ю.* Политические работы. — М., 2005. — С. 141.

⁴ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. — С. 214.

⁵ См. там же. — С. 215.

⁶ Там же. — С. 222, 223.

⁷ См.: *Хабермас Ю.* Политические работы. — С. 140.

⁸ Там же. — С. 130.

⁹ Там же. — С. 123.

¹⁰ Там же. — С. 290.

¹¹ Там же. — С. 289.

¹² См. там же. — С. 293.

¹³ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. — С. 223 — 224.

¹⁴ *Хабермас Ю.* Политические работы. — С. 319, 322.

¹⁵ См.: *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // *Свободная мысль*. 2004. № 7. — С. 3, 4.

¹⁶ Там же. — С. 5.

¹⁷ Там же. — С. 6, 7.

¹⁸ Там же. — С. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. — С. 9.

²² Там же.

²³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М., 2007. – С. 342.

²⁴ Кремер И. Этнократия – новая угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. – С. 112.

²⁵ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М., 2004. – С. 356.

²⁶ Там же. – С. 394.

²⁷ Guibernau M. Nationalisms. – Cambridge, 1996. – P. 114.

²⁸ Смит Э. Национализм и модернизм. – М., 2004. – С. 395.

²⁹ Спикер М. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 305.

³⁰ См.: Хаттон У. Мир, в котором мы живем. – М., 2004. – С. 391.

³¹ Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. – С. 11.

³² См.: Гусейнов А.А. Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. Вып. № 1.

Аннотация

В статье рассматриваются концепции «Глобальное гражданское общество», «Глобальное гражданство» и «Космополитическое государство» и реальность их воплощения на современной стадии глобализации. Проводятся параллели между становлением наций, национальных государств и возможностью формирования в ближайшей перспективе глобального гражданства, глобального гражданского общества и космополитического государства. Рассматриваются возможные наднациональные акторы этих процессов.

Ключевые слова: нация, национализм, глобализация, Европейский Союз, неолиберализм, глобальный этос, социокультурная интеграция, глобальное гражданское общество, глобальное гражданство, космополитическое государство, конституционный патриотизм.

Summary

The article considers the concepts of global civil society, global citizenship, and cosmopolitan state and the reality of their implementation at the present stage of globalisation. The author draws parallels between the formation of nations and nation-states and the near-term possibility of forming of global citizenship, global civil society and cosmopolitan state. The article examines the significance of new supranational actors in the latter process.

Keywords: nation, nationalism, globalisation, European Union, neoliberalism, global ethos, sociocultural integration, global civil society, global citizenship, cosmopolitan state, constitutional patriotism.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян*